

10 АВГ 1963

ПОСЛЕ АПЛОДИСМЕНТОВ

На спектаклях Ленинградского театра комедии

Спектаклям Ленинградского театра комедии аплодируешь от души. И есть за что! Они остро-выразительны, полны хорошей выдумки, радуют отточённым мастерством.

Особенно noteworthy, живописные спектакли, поставленные руководителями театра народным артистом СССР Н. Акимовым — художником большого, многогранного таланта. Он и режиссер, и оформитель, и инсценировщик, и негласный соавтор многих пьес, поскольку они созданы в литературном объединении театра, формирующего новые кадры комедиографов.

Нынешние гастроли театра в Киеве свидетельствуют об определенных сдвигах и в его репертуарных поисках. Раньше театр нередко увлекался пронаследиями весьма узкого, камерного звучания, живописующими незначительные жизненные события. Сейчас же мы видим у него и более масштабные пьесы.

Но когда осыпавшие первые впечатления и проходит непосредственная эмоциональная реакция, начинаешь раздумывать: а что же, собственно говоря, тебе показали, чем духовно и эстетически обогатили, какие зарубки оставили в мозгу и на сердце?

Обратимся, скажем, к последней премьере — «Дон-Жуан». Театр сумел переложить традиционную повествовательную поэму Байрона на живой, динамический язык сцены. Сколько здесь театрального, красочного, праздничного! В последнее время на сценических площадках появился целый сонм разных «ведущих», «комментаторов», «истолкователей». Но лишь в спектакле Ленинградского театра ведущие не только сопровождают зрителя, а и составляют его основу, определяют его сюжетное и конфликтное развитие, переживают вместе с героями, раскрывают авторскую интонацию. Одним словом, являются душой спектакля. Часто действие разыгрывается или перед или за ширмой. Тем самым как бы оттеняется сказочный характер повествования (театр вообще пристрастен к сказочным инсценировкам). Но вот утихают мудрые и язвительные, возвышенные и хлесткие слова великого поэта, исчезает пестрый хоровод фантастических событий, рассеиваются шедры переливы красок, и много ли остается в памяти зрителя после этого великолепного праздника слов, красок, движений?

Я не посягаю на литературный первоисточник, на изумительное искусство инсценировщика, постановщика и художника спектакля, объединенных в лице одного Н. Акимова. Но право же, должна ведь быть в искусстве своя идейно-эстетическая целесообразность, продиктованная не только юбилейными соображениями!

С гравюрной четкостью поставлена учениками Н. Акимова режиссером Н. Лившицем и художницей Т. Венедиктовой пьеса Ф. Дюрренматта «Физики». Это произведение, обозначенное автором как трагикомедия, в какой-то степени отражает противоречия нашего атомного века. Пьеса показывает алчущие силы, питающиеся использовать атомную энергию в своих преступных, разрушительных целях. В «Физиках» раскрывается трагическое положение ученых в капиталистическом мире, где гениальные открытия часто употребляются во зло, а не на благо человечеству. И эта драма хорошо чувствуется в пьесе, которая сильна своим критическим пафосом, духом отрицания. Но поразительно слаба, ограничена, немощна в своей положительной программе.

Бессилие, страх, отчаяние, обреченность — вот что наиболее явственно утверждает искусно спелая пьеса популярного швейцарского драматурга. Только, мол, в сумасшедшем доме можно еще укрыться от превратностей жестокой судьбы, только под шутовским колпаком может еще развиваться наука. Вот к каким горьким выводам приходит главный герой пьесы — гениальный ученый Иоганн Мебиус, автор великого универсального открытия.

За пределами пьесы осталось все, что связано с борьбой свободолюбивых народов, с движением людей доброй воли, со всем тем, что именуются активной, жизнеутверждающей позицией.

Конечно, зритель ясно понимает, что пьеса написана не с позиций социалистического реализма и что драматург далек от понимания истинных закономерностей исторического процесса, существа жизненных противоречий. Ведь как ни хохляк, ни слани доктор Матильда фон Цанд (которую с присущей артистике заостренностью играет Е. Уварова), но последнее слово не за нею, а за свободолюбивыми народами мира. Ну, а театр? Он поставил пьесу как она есть. И только.

Сатирическая комедия Д. Аля и Л. Ракова «...Опаснее врага» не является ни жизненным, ни художественным открытием. О приспособленцах в науке говорилось уже не раз в нашей драматургии. Достаточно назвать такие известные произведения, как «Соло на флейте» И. Микитенко, «Кто смеется последним» К. Крапивы, «Добрый» А. Зорина. На разном жизненном материале, при различном сюжетном опосредствовании в этих пьесах трактуется, по сути, одна и та же тема, обличаются нечестные и фальшивые людишки, прикрывающие свою корыстную деятельность высоким флагом науки.

Острая и меткая по языку пьеса «...Опаснее врага» явно несовершенна по композиционному строению. Это скорее театральное обозрение, чем цельное драматургическое произведение. Отсюда и ее более существенные слабости — недостаточно ясно выраженный положительный идеал. Но разыграна ода у ленинградцев с блеском, нескрываемым сатирическим пафосом и в то же время весьма тактично, тонко (режиссер Н. Лившиц, художник И. Крылов). Здесь, как и в большинстве постановок театра, каждая роль тщательно отработана, предельно отшлифована. И все же хочется выделить созданный П. Панковым образ Долетовского — директора научно-исследовательского института кефира. Монолог, произносимый актером в финале, поднимается до гомеровской обличительной силы. Это подлинная сатира — не наирочная, не искусственная, а органическая, вытекающая из сущности образа, олицетворяющего собою ту глупость и тулость, которые опаснее врага.

Ленинградцы склонны к образному намеку, к подтексту, ко второму плану, что обогащает не только психологическую драму, а и едкую сатиру. В этом еще раз убеждаешься, когда смотришь программный спектакль театра «Тень» Е. Шварца в постановке и художественном оформлении Н. Акимова. Это один из вариантов бытующего «в мировой литературе мотива о человеке без тени. В условной, сказочной форме показывается борьба человека со своей тенью, та борьба добра и зла, которые в разные исторические эпохи, при разных общественных формах воплощаются и выражаются каждый раз по-разному.

Человеческие слабости — от алчности до угодничества, от кровожадности до лицемерия — раскрываются и морально казнятся в этом остроумном, занятном спектакле, где тонкими зрительными, шумовыми и световыми средствами достигается большой художественный эффект. Актеры, верные режиссерскому замыслу, демонстрируют отличное мастерство. А ведь играть в сказке, где каждый образ несет, так сказать, двойную нагрузку, нелегко.

Много похвального можно сказать о ленинградских мастерах сложного и дефицитного комедийного жанра. Аплодируешь им искренне. Но вместе с тем искренне и дружелюбно хочется пожелать им в будущем приехать с постановками, которые были бы эффектными, блестящими и в то же время более весомыми по внутреннему смыслу и идейной направленности.

Николай КИСЕЛЕВ.